

Юрий Осипов

Иван Бунин

*«Один
из послед-
них лучей
чудного
русского
дня»*

Долгая жизнь Ивана Алексеевича Бунина полна удивительных парадоксов. Не мысливший себя и свое творчество вне России, он десятилетия, до конца своих дней, плодотворно прожил в эмиграции той самой знаменитой первой, «белогвардейской», волны. Написал на чужбине едва ли не лучшие вещи, такие, как художественно-биографический роман «Жизнь Арсеньева» и сборник рассказов «Темные аллеи». Запрещенный на Родине, снискал вдали от нее всемирное признание и первым из русских писателей был удостоен Нобелевской премии.

Проклял Октябрьскую революцию, люто ненавидел большевиков, но после начала Второй мировой войны выступил на стороне СССР и горячо поддержал в своих произведениях Красную армию. Хорошо видел издали все изъяны социалистического строя и все же под конец жизни мечтал вернуться на Родину, завидуя Куприну и боясь, что не хватит сил. Печатать в Советском Союзе его начали — первым из писателей-эмигрантов — с середины 50-х годов.

Четырехклассное образование (по бедности) не помешало впоследствии Бунину стать гениальным переводчиком поэзии Байрона, Петрарки, Мицкевича. А вот к собственному поэтическому творчеству он относился достаточно прохладно и стихов написал не много.

Иван Алексеевич был ярко выраженным ипохондриком, случалось, заболел всерьез и надолго (сказывалось беспокойное детство), однако обладал настолько отменной физической подготовкой и выразительной мимикой, что сам Станиславский предлагал ему роль Гамлета.

Трепетное сердце писателя всегда жаждало большой любви, и он с юных лет стремился обрести семейное счастье. Две первых попытки оказались неудачными. И только с третьего раза, будучи уже зрелым 36-летним мужчиной и известным писателем, он встретил любовь всей жизни. Вера Николаевна Муромцева стала ему верной, заботливой женой и музой, спутницей в дальних путешествиях, стойко разделившей с ним эмигрантские мытарства. Там, в Грассе под Ниццей, спустя шестнадцать лет отношений они, наконец, обвенчались. И там же, на морском берегу, стареющий писатель повстречал молодую русскую эмигрантку Галину Кузнецову, которая не устояла перед бунинской, давно погасшей и теперь с новой силой вспыхнувшей страстью и которую он увел от мужа, поселив в своем доме. Так они долгое время и жили троим, пока Галина не заявила, что уходит от Бунина, причем — к женщине...

Обстоятельный, практичный и скуповатый, терпевший в эмиграции большую нужду, Иван Алексеевич значительную часть огромного денежного эквивалента Нобелевской премии роздал бедным соотечественникам-эмигрантам, а оставшуюся сумму вложил в достаточно сомнительное предприятие, оставшись под конец жизни без гроша в кармане.

Человек трезвого, аналитического ума, прагматичный и язвительный, Бунин, как ни странно, был подвержен суевериям. Никогда не садился за банкетный стол, если был тринадцатым по счету, и испытывал необъяснимую неприязнь к букве «ф». Столь же суеверно он прятал от посторонних, опасаясь «дурного глаза», свою необычную коллекцию аптекарских флакончиков, баночек, коробочек. Он совершенно точно предсказал собственную смерть и в последней дневниковой записи сокрушался, что уже совсем скоро «судьбы всего мира будут ему неизвестны».

Иван Алексеевич Бунин родился 10 (22) октября 1870 года в старинной, но вконец обедневшей дворянской семье и рано начал самостоятельную жизнь. Отец будущего писателя, разорившийся воронежский помещик Алексей Николаевич Бунин, окончил лишь первый класс городской гимназии, а в 16 лет поступил на службу в канцелярию губернского дворянского собрания. В составе Елецкой дружины ополчения он участвовал в Крымской кампании. Вернувшись в 1865 году из крымского похода, Алексей Николаевич женился на двоюродной племяннице Людмиле Александровне Чубаровой, в отличие от порывистого мужа, пившего «временами ужасно», женщине мягкой, набожной, впечатлитель-

ной. Эту впечатлительность унаследовал от нее сын Иван. А всего мать писателя родила девятерых детей (пятеро из них умерли в раннем детстве). Двум старшим сыновьям, Юлию и Евгению, решено было дать гимназическое образование. С этой целью семья перебралась в 1867 году из деревни в Воронеж и сняла комнаты в доходном доме на Дворянской улице, где и появился на свет первый русский нобелевский лауреат по литературе.

Из родового поместья Бутырки Елецкого уезда, куда Ваня в четырехлетнем возрасте переехал с родителями, веточка родословного древа тянулась к селу Мишенское Белевского уезда, где почти веком ранее наложница отставного се-

Слева:
*Герб рода
Буниных*

*Иван Бунин
в юные годы*

кунд-майора и помещика А. Бунина бывшая пленная турчанка Сальха произвела на свет его незаконнорожденного сына, которому обедневший киевский помещик Андрей Григорьевич Жуковский, пристроившийся приживалом в бунинском доме, дал, по требованию хозяина, свою фамилию и отчество. Родством с выдающимся русским поэтом, наставником и старшим другом Пушкина, воспитателем наследника престола Иван

Алексеевич очень гордился и усматривал некоторое вдохновляющее сходство их изначальной обездоленности.

Благодаря нанятому в гувернеры студенту Московского университета, Иван получил хорошее домашнее образование, включавшее латынь, европейские языки и рисование. В числе первых самостоятельно прочитанных им книг были «Одиссея» Гомера и сборник английской поэзии.

Поэтому, когда летом 1861 года Алексей Николаевич привез младшего сына в Елецкую мужскую гимназию, тот успешно выдержал вступительные экзамены. Учился будущий писатель легко и страшился только математики. Квартировал он с одним из одноклассников сперва у елецкого мещанина Бякина, затем у некоего кладбищенского скульп-

тора и еще дважды менял жилье, за которое, как и за учебу, отец исправно вносил ежемесячную плату.

Обучение в гимназии неожиданно завершилось для мальчика зимой 1866 года. Уехав на каникулы к родителям, перебравшимся в еще одно их захудалое имение Озерки, он решил не возвращаться в Елец, и в начале весны педсовет исключил

Бунина за «неявку из рождественского отпуска». С этого времени его домашним учителем стал старший брат Юлий, сосланный в Озерки под надзор полиции. Не мучая долее своего подопечного математикой, Юлий сосредоточил преподавательские усилия на гуманитарных предметах, что принесло вскоре заметные плоды.

Первые литературные опыты Бунина приходится как раз на тот период, а в 15 лет он уже сочинил целый роман под названием «Увлечение», который, правда, не приняла ни одна редакция. Это, однако, не обескуражило начинающего ав-

рвал по лесам росистые ландыши и поминутно перечитывал свое произведение, никогда не забуду».

Люди, знавшие молодого Бунина, характеризовали его как человека, в котором было много «силы жизни, жажды жизни». Скорее всего, именно эти качества помогли начинающему поэту, автору единственного пока сборника стихов, выпущенного в Орле в 1891 году малым тиражом и бесплатно рассылавшегося подписчикам «Орловского вестника», довольно быстро войти в большую русскую литературу конца 19-го столетия.

Как вспоминал сам Иван Алексеевич, его детские литературные впечатления были, прежде всего, связаны с Пушкиным, стихи которого в доме читали все — и родители, и братья. Возможно, поэтому Пушкин для Бунина всегда был высшим идеалом, недостижимым образцом. Недаром критика считала его последним классическим представителем пушкинского направления в поэзии

тора, и он продолжал рассылать по редакциям свои стихи. Одно из них, озаглавленное «Над могилой Надсона», (это был бунинский кумир, недавно скончавшийся) появилось в февральском номере журнала «Родина», другое, «Деревенский нищий», — в майском. Позже писатель вспоминал: «Утро, когда я шел с этим номером с почты в Озерки,

До этого он служил в «Орловском вестнике» помощником редактора отдела. Потом переехал к брату Юлию в Харьков. Юлий подыскал ему несложную работу в земской управе. В 1892 году последовал переезд в Полтаву и — вновь при содействии брата — унылая служба в статистическом управлении губернской управы. А кроме того — участие в на-

роднических кружках, общение с толстовцами, путешествия. Путешествия с тех пор станут неотъемлемой частью бунинской жизни, снабжая Ивана Алексеевича необходимыми писателю эмоциональными впечатлениями, умеряя его постоянное «кружение сердца».

Это «кружение», вызванное юношеским любовным томлением, привело Бунина к первой «невенчанной» жене — корректорше «Орловского вестника» Варваре Пашенко. В письме к брату молодой литератор восторженно описывал показавшуюся ему при первом знакомстве очень умной высокую девушку «с очень красивыми чертами, в пенсне».

Увы, проза жизни серьезно осложняла отношения влюбленных. Финансовое положение родителей Бунина к тому времени ухудшилось. Они продали Бутырки, фактически передали Озерки сыну Евгению и разъехались. По свидетельству младшей сестры писателя Марии, порой приходилось сидеть «совершенно без хлеба». Иван Алексеевич писал Юлию, что постоянно думает о деньгах. К тому же отец Варвары не желал видеть Бунина своим будущим зятем.

Житейская неустроенность и душевная разобщенность привели молодых к разрыву. В 1894 году Варя покинула Полтаву, оставив записку: «Уезжаю, Ваня, не поминай меня лихом».

Иван Алексеевич тяжело перенес расставание с возлюбленной. Старшие братья одно время всерьез

опасались за его жизнь. Вернувшись с ними в Елец, Бунин отправился, было, в дом сбежавшей от него девушки, однако вышедший на крыльцо ее родственник сообщил, что адрес Варвары им неизвестен. Впоследствии она вышла замуж за актера и писателя А. Бибикова и в 1918 году умерла от туберкулеза. Отношения с нею Бунина нашли отражение в романе «Жизнь Арсеньева».

Оставив службу, Иван Алексеевич в 1895 году приехал на две недели из Полтавы в северную столицу и здесь закрутился в водовороте литературных встреч и знакомств. Его дружески приветили маститый критик Н. Михайловский, острый публицист С. Кривенко, поэт А. Жемчужников, сам мэтр поэтического цеха К. Бальмонт и, наконец, патриарх социально-обличительной литературы, автор знаменитого «Антон Горемыкина» семидесятидвулетний Д. Григорович, который поразил Бунина живостью взгляда и е нотовой шубой до пят.

Еще большее впечатление произвел на него Толстой. Робкий новичок пришел в Москве в просторный хамовнический дом и был принят хозяином всего на несколько минут перед своим отъездом с Софьей Андреевной в гости. В замечательной книге «Освобождение Толстого», написанной уже в эмиграции, Бунин рассказывает, как, присев с ним в темной зале у стола, двумя вскользь брошенными фразами Лев Николаевич буквально перевернул

ему душу. «Пишите? — мягко спросил он. — Пишите, пишите. Только помните, что писательство ни в каком случае не должно быть смыслом жизни. И еще запомните, что счастья в жизни нет, есть только зарницы его. Живите ими»... Толстые уехали, а Бунин с пылающей головой до утра пробродил по замерзшим улицам Первопрестольной.

Тогда же в Москве состоялось его знаменательное знакомство с Чеховым, знакомство, которому суждено было перерасти в крепкую дружбу. При первой встрече чеховскую приветливость и простоту неискушенный молодой человек принял за холодность. Зато любивший позу известный поэт и теоретик символизма В. Брюсов обрушил на смущенного неопита громкие революционные сентенции о «новом» искусстве. С кем Иван Алексеевич сразу же сошелся легко и свободно, так это с А. Куприным. Они были ровесниками, вместе дебютировали в литературе и, по словам Бунина, «без конца скитались и сидели на обрывах над бледным летаргическим морем».

Он еще очень мало что написал, но участники литературного кружка «Среда», которые собирались в доме Н. Телешова и обсуждали произведения друг друга, чувствовали его растущий талант и охотно приняли Бунина в свой круг. А это были Л. Андреев, М. Горький, С. Скиталец, Б. Зайцев, сам Телешов и «примкнувший» к ним Ф. Шаляпин. За хитрость и ироничность Бунину доста-

Варвара Пашенко — первая любовь Ивана Бунина

лось в кружке шутливое прозвище «Живодерка». Его называли непоседой за ту легкость, с которой он перемещался по свету, и невольно подчинялись непринужденному бунинскому обаянию. На одном месте Иван Алексеевич подолгу не задерживался и слал письма новым друзьям то из Орла, то из Одессы, то из Ялты. За ним укрепилась репутация человека общительного, жадно тянувшегося к новым впечатлениям. В артистической среде ему было легко. Но сам он полагал, что за стремлением постоянно находиться в шум-

ном людском окружении стояло его внутреннее одиночество.

Временным спасением от одиночества явился быстротечный роман с девятнадцатилетней дочерью ре-

не не испытывал. Настоящая большая любовь пришла к нему вместе с Верой Муромцевой. Современники описывали ее как «очень красивую девушку с огромными, светло-проз-

Трепетное сердце писателя всегда жаждало большой любви, и он с юных лет мечтал о семейном счастье. Две первых попытки оказались неудачными. И только с третьего раза, будучи уже зрелым 36-летним мужчиной и известным писателем, он встретил любовь всей своей жизни. Вера Николаевна Муромцева стала ему верной, заботливой женой и музой, спутницей в дальних путешествиях, а позже стойко разделившей с ним эмигрантские мытарства

доктора «Южного обозрения» Анной Цакни. В сентябре 1898 года она стала первой официальной женой Бунина. Было свадебное путешествие на пароходе, закаты на Ланжероне, поездки в оперу. Однако вхождение в семью состоятельных греков не улучшило тяжелого материального положения молодого писателя. В письме к старшему брату он отчаянно просил выслать немедленно «хоть десять рублей», поясняя при этом: «У Цакни просить не стану, хоть умру».

После двух лет совместной жизни супруги расстались. Их единственный сын скончался в 1905 году от скарлатины. Уже проживая во Франции, Иван Алексеевич признавался, что «особенной любви» к первой же-

ранными, как бы хрустальными глазами». Дочь члена Московской городской управы и племянница председателя Первой Государственной думы, она окончила Высшие женские курсы, занималась химией и на момент знакомства с Буниным в ноябре 1906 года была далека от литературно-богемной среды, в которой тот вращался, перекочевывая, по его собственным словам, «из гостей в рестораны». Когда Иван Алексеевич в очередной раз прибыл в Москву и получил приглашение принять участие с чтением стихов на вечере у писателя Бориса Зайцева, двадцатипятилетняя Вера, дружившая с хозяйкой дома, тоже оказалась там.

Началом их совместной жизни стало путешествие весной следую-

Слева направо:
М. Горький,
Д. Мамин-Сибиряк,
Н. Телешов,
И. Бунин.
Ялта

щего года в Святую землю и по странам Востока. Деньги на длительный вояж им дал Николай Телешов. С тех пор они были неразлучны, однако вступить в брак не могли, поскольку Анна Цакни не давала Бунину развода. Только после отъезда из России в 1922 году Иван Алексеевич обвенчался с Верой Николаевной. Шафером на свадьбе выступал Куприн.

Трудно представить, что в начале творческого пути Бунин не мог скрыть досады из-за слабого внимания критики к его ранним произведениям. Не имея литературных агентов, способных организовать рецензии в прессе, он рассылал экземпляры своих книжек друзьям и знакомым в надежде на их благожелательные

печатные отклики. Не только дебютный сборник «гладкописных» стихотворений, изданный в Орле, но и впоследствии читаемая и перечитываемая книга «На край света и другие рассказы» заслужила лишь несколько «благодушно-снисходительных» отзывов, едва заметных на фоне того общественного резонанса, какой вызывал выход любого произведения Горького, Леонида Андреева и других любимцев широкой публики рубежа столетий.

Признание к Бунину-поэту пришло после того, как издательство символистов «Скорпион» выпустило в 1901 году его поэтический сборник «Листопад». «Лес, точно терем расписной, \\\ Лиловой, золотой, багряный \\\ Веселой, пестрою стеной \\\

Первая жена Анна Цакни

Стоит над светлою поляной». Строгая, прозрачная красота бунинского стиха долго и трудно пробивала себе дорогу к читателю. В октябре 1903 года Бунин был удостоен половинной Пушкинской премии (500 руб.), которая укрепила его литературную репутацию, но мало способствовала читательской популярности его творчества. И тогда, и потом поэзия и проза Бунина были «не для всех», вне моды и злободневности.

Дворянин по происхождению, Иван Алексеевич много лет вел жизнь разночинца, скитаясь по съемным углам, меблированным комнатам, дешевым гостиницам, часто находя приют то в квартирах друзей, то в деревне. При этом мемуаристы писали о «барской осанке» Бунина, его

врожденной элегантности, умении свободно держаться и естественно чувствовать себя в любом обществе. По замечанию жены Куприна, ее муж даже в самых модных костюмах выглядел рядом с Иваном Алексеевичем нескладным и неловким. Такими же абсолютно свободными, изысканными в своей естественности, простоте предстают перед нами и художественные произведения писателя.

Писательская требовательность Бунина к слову, к каждому знаку препинания в тексте порой доходила у него до «болезненной щепетильности», известной в издательствах, с которыми он сотрудничал.

Официальный релиз Шведской академии гласил, что «Нобелевская премия по литературе... присуждается Ивану Бунину за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы». Пожалуй, лучше не скажешь. Но «Нобелевка» была еще далеко впереди, на чужбине. А пока же, на родине, писатель разделил с Куприным в октябре 1909 года свою вторую, и вновь за стихи, Пушкинскую премию. Каждый из лауреатов получил по 500 рублей (немалые в то время деньги!). А через две недели из Академии наук поступило новое известие об избрании И. Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности.

Если серьезный дебют Бунина-прозаика состоялся 1893 году рассказом «Деревенский эскиз» («Танька») в авторитетном журнале Н. Ми-

хайловского «Русское богатство», то очевидный перелом в творчестве писателя, сделавший его востребованным автором, произошел после выхода «строгой, простой и гармоничной» повести «Деревня» и следовавшего за ней «Суходола». Несмотря на полярность оценок, вещи Бунина теперь начали гораздо охотнее приобретать журналы и газеты, а крупное издательство К. Маркса выпустило в 1915 году двухсоттысячным тиражом шеститомник полного собрания бунинских сочинений.

Одним из последних малых шедевров бунинской прозы, созданных в предреволюционную пору в России, стал рассказ «Легкое дыхание» (1916 г.). История про гимназистку Олю Мещерскую, застреленную на вокзальном перроне казачьим офицером, была придумана во время прогулки по старому кладбищу острова Капри, когда на одном из надгробий писатель увидел портрет жизнерадостной девушки. Он вывел в рассказе тот женский тип, который всегда его интересовал, — загадочный, манящий, подчиняющий мужчин и заставляющий их совершать безрассудные поступки.

С годами внешне Иван Алексеевич почти не менялся. Все та же стройная осанка, все та горделивая посадка сухой породистой головы, все тот же зоркий, ястребиный взгляд. Но в его поведении появлялись признаки нервозности и усталости. Воспоминания о нем противоречивы. В одних

А.И. Куприн

он представлен легким, остроумным собеседником, которого, тем не менее, нельзя было назвать открытым человеком. В других — литератором резким, неуживчивым, неучтивым. По словам поэтессы И. Одоевцевой, Бунин «мог быть очень неприятен, даже не замечая этого». И он же всю жизнь безотказно помогал всем, кто нуждался в поддержке. Но с протестным тщеславием любил, чтобы ученики сопровождали его на разных мероприятиях, чем очень раздражал коллег, которые называли эту свиту последователей писателя «бунинским крепостным балетом».

Абсолютно независимый в суждениях и творчестве, Иван Алексеевич считал себя свободным от влияния каких бы то ни было литературных

школ, в большом количестве плодившихся на заре нового века. Возможно, поэтому он является одним из самых «труднодоступных» художников слова. Даже при попытках исследователей определить его метод, возникали разные варианты, в том числе «реалистический символизм», «необыкновенный реализм», «скрытый модернизм». Это дало основание полагать, что в творческом наследии писателя нет «единой, все объясняющей и объединяющей системы».

Октябрьские события Бунины встретили в Москве, в доме №26 на Поварской улице, где прожили вплоть до следующей весны, и где Иван Алексеевич вел дневник, который лег в основу беспощадной документальной книги «Окаянные дни». Явившись, по мнению исследователей, значимым свидетельством переломного времени, она во многом полемизировала с написанной в 1918 году блоковской поэмой «Двенадцать». И если А. Блок в те дни «услышал музыку революции», то Бунин — «какофонию кровавого бунта».

21 мая 1918 года Иван Алексеевич и Вера Николаевна навсегда покидали Москву. На Савеловском вокзале их провожали брат писателя Юлий и жена Горького Екатерина Пешкова. До любимой Одессы добирались вместе с другими беженцами долго и сложно, в переполненном санитарном вагоне — до Минска, затем — с пересадками. В Одессе прожили почти полтора года. Бунин писал статьи для местных изданий,

возглавил литературный отдел газеты «Южное слово». Участвовал в деятельности основанного Деникиным агентства ОСВАГ и неоднократно высказывал желание вступить в Добровольческую армию...

24 января 1920 года Бунин с женой поднялись на борт небольшого французского парохода «Спарта», который, простояв трое суток на внешнем рейде, взял курс на Константинополь. Людей на пароходе было столько, что для ночлега использовали все палубы, проходы и даже столы. Буниным досталось одно узкое спальное место на двоих. Проплутав по Черному морю более десяти суток, «Спарта», наконец, добралась до Тулузы. В конце марта Иван Алексеевич и Вера Николаевна прибыли в Париж. Начинаясь последняя, эмигрантская глава их жизни.

«Горек хлеб изгнания». Даже, если оно, как у Бунина, оказалось добровольным. На чужбине писатель многое переосмыслил в себе и в окружающих. Рушились старые привязанности, возникали новые. И только преданность памяти Чехова, который завещал ему перед отъездом на лечение и на смерть в Баденвейлер «писать и писать», оставалась неизменной. И Бунин старался следовать завету ушедшего друга.

Он захотел художественно переосмыслить прожитую жизнь, дореволюционную российскую действительность. Так, в канун пятидесяти-

летия, в октябре 20-го возник масштабный замысел «Жизни Арсеньева» — романа, повлиявшего на решение Шведской академии присудить Бунину Нобелевскую премию. О жанре этого самого значительного произведения писателя спорят до сих пор. Оно являет органичный сплав мемуаров, лирико-философской прозы, биографического повествования. Причем Бунин настоя-

тельно просил не воспринимать историю Алексея Арсеньева как биографию автора, подчеркивая, что это «автобиография вымышленного лица». А еще это — «поэтическое преобразование прошлого».

Если в дореволюционный период большинство современников видело в Бунине холодноватого, изысканного бытописателя, ностальгически вспоминающего об исчезаю-

щих «дворянских гнездах», то появление его полемических статей и заметок в эмигрантской печати, посвященных октябрьским событиям, открыло читателям другого Бунина — язвительного и едкого, воспринявшего революцию как пушкинский «русский бунт», а его участников как персонажей романа Достоевского «Бесы».

Со второй половины 20-х годов политический посыл начинает постепенно уходить из бунинской публицистики, писатель сосредоточивается на литературно-критических статьях и портретных эссе, вроде объемной книги «Освобождение Толстого», цикла очерков о Семеновых-Тяньшанских и незаконченных заметок о Чехове, посмертно изданных Муромцевой. Он по-прежнему предпочитал ежедневно ранним утром садиться за письменный стол и работать до обеда. Писал, кропотливо шлифуя каждую фразу, каждое сло-

во. Получив корректуру, слал, бывало, в издательство телеграммы с требованием срочно поменять какой-нибудь знак препинания, междометие.

Виртуозно владея пером, Бунин, по собственному признанию, никогда неумел правильно распоряжаться деньгами. Нобелевская премия, которая могла бы обеспечить супругам безбедную старость, была растрачена очень быстро. То же происходило с литературными гонорарами, случалось, весьма крупными. Бунин в эмиграции так и не приобрели собственного жилья, не отложили никаких сумм на «черный день». Письма с просьбами о помощи шли нобелевскому лауреату со всего мира, и он старался никому не отказывать. Одаривал малознакомых поклонниц, а Вера Николаевна раздавала молодым писателям деньги на издания или оплату учебы.

Бунинские сборники рассказов, написанных еще в дореволюционную пору, продолжали выходить в Берлине, Париже, Праге. К ним присоединялись новые — «Роза Иерихона», «Солнечный удар», «Дело корнета Елагина», «Ида»... Он поддерживал связи с прежними литературными друзьями, оставшимися в советской России и разбросанными по миру. Горький, Бальмонт, Куприн, Рахманинов... Их орбиты теперь почти не пересекались, даже когда проходили рядом друг с другом. Росла стена непонимания, отчуждения, как в случае с Горьким,

который когда-то был так ему близок и чье место в сердце Бунина занял затем В. Ходасевич.

Непониманием встретило публичное выступление писателя, посвященное «миссии русской эмиграции», как ее правое, так и левое крыло. Это мероприятие состоялось в 1924 году, и в нем приняли участие видные прозаики И. Шмелев, Д. Мережковский, историк церкви А. Карташов, другие маститые представители литературного зарубежья. Бунин заявил тогда, что задачей русской эмиграции является решительное неприятие «ленинских заповедей», и, отвечая на посыпавшиеся на него обвинения в отсутствии па-

триотизма, резко бросил: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?»

В начале войны Иван Алексеевич с Верой Николаевной переехали на высокогорную виллу «Жаннет» и почти безвыездно прожили там шесть лет, не раз укрывая в доме деятелей культуры еврейской национальности,

Со второй женой Верой Муромцевой

что могло стоить им головы. Мало того, Бунин постоянно слушал по радио сводки новостей из Лондона и делал на развешанных у себя в кабинете картах пометки об обороне и наступлениях Красной армии. Из радиосообщений и писем он узнавал также о судьбах своих бывших друзей.

За годы войны вилла «Жаннет» утратила свою изначальную респектабельность. Отказало отопление, возникли проблемы с водопроводом и электричеством, обветшала мебель. В письмах Бунин упоминает про «пещерный сплошной голод». Писателю поступали заманчи-

вые предложения работы в издательствах на оккупированных гитлеровцами территориях. Он неизменно отвечал отказом и писал в темные дни: «Был я богат — теперь, волею судеб, вдруг стал нищ... Был знаменит на весь мир — теперь никому в мире не нужен... Очень хочу домой!» Дом для Бунина остался на родине, в России.

Пытаясь хоть где-нибудь раздобыть литературный гонорар, Иван Алексеевич попросил уехавшего в США главного редактора газеты «Новое русское слово» А. Седых издать на любых условиях «Темные ал-

леи». Тот специально под этот проект открыл в Нью-Йорке издательство «Новая земля» и в 1943 году выпустил книгу тиражом 600 экземпляров. С английским переводом сборника возникло много проблем, и он вышел уже после войны. Всего на «Темные аллеи» Бунину было выплачено... 300 долларов.

В начале 46-го усталый, больной писатель и его жена возвратились в свою холодную парижскую квартиру. А в июне того же года был опубликован указ советского правительства «О восстановлении в гражданстве СССР подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство,

Галина Кузнецова — последняя любовь Ивана Бунина

Слева направо: Г. Кузнецова, И. Троцкий, В. Бунина, А. Седых, И. Бунин. На церемонии вручения Нобелевской премии. Стокгольм, 1933

Посол Советского Союза во Франции А. Богомолов пригласил Бунина на завтрак в посольство и предложил старому писателю вернуться на родину. Иван Алексеевич обещал подумать. Увы, возвращение не состоялось. Вместо него на родину стали возвращаться в период хрущевской «оттепели» находившиеся под запретом произведения писателя...

проживающих на территории Франции». Этот знаменательный указ вызвал, по словам Веры Николаевны, большие волнения в эмигрантской среде, раскол во многих семьях: «Одни хотели ехать, другие — оставаться».

Посол Советского Союза во Франции А. Богомолов пригласил Бунина

на завтрак и в присутствии приехавших из Москвы «генералов от литературы» И. Эренбурга и К. Симонова предложил старому писателю вернуться на родину. Иван Алексеевич обещал подумать.

Увы, возвращение не состоялось. Симонову Бунин признавался, что «очень хочет поехать, посмотреть,

побывать в знакомых местах, но его смущает возраст. Поздно, поздно... и друзей никого в живых не оста-

лось... А брать паспорт и не ехать... Зачем же тогда брать паспорт?.. Буду жить так, как жил, дело ведь не в

моих документах, а в моих чувствах». Имея эмигрантский паспорт, Бунин до конца дней оставался человеком без гражданства.

Вместо него самого на родину постепенно начали возвращаться в период хрущевской «оттепели» находившиеся под запретом цензуры произведения писателя. С 60-х годов к ним начали обращаться советские кинематографисты. И продолжают обращаться поныне.

До этого счастливого времени Иван Алексеевич не дожил. В 47-м у него диагностировали эмфизему легких, и он, по настоянию врачей, отправился на курорт на юге Франции. Пройдя там курс лечения, вернулся в Париж и еще нашел в себе силы принять участие в организованном друзьями чествовании. Осенью того же года состоялось его последнее выступление перед большой аудиторией. В ту пору Бунину были переданы некоторые выходившие в СССР книги. Он прочитал и очень тепло отозвался о поэме А. Твардовского «Василий Теркин» и рассказах К. Паустовского.

Сам Бунин уже ничего не писал и не издавал. Жить им с Верой Николаевной было не на что, и он обратился к А. Седых с просьбой о помощи: «Я стал очень слаб, два месяца пролежал в постели, разорился совершенно... Мне пошел 79-й год...» Седых сумел договориться с американским филантропом Ф. Атраном о назначении престарелому русскому писателю небольшой ежемесячной пенсии.

В октябре 1953 года состояние здоровья Ивана Алексеевича резко ухудшилось. В квартире постоянно находились друзья Бунина, помогавшие Вере Николаевне ухаживать за больным мужем. Ежедневно приезжал доктор В. Зернов. За несколько часов до смерти Бунин попросил жену почитать ему вслух письма Чехова. 8 ноября Зернова вызывали к писателю дважды. Когда он приехал повторно, Бунин был уже мертв.

Похоронили его при небольшом стечении народа, под моросящим дождем, в «русской» аллее парижского кладбища Сен-Женевьев-де-Буа. Памятник на могиле был сделан по рисунку видного художника Серебряного века А. Бенуа, основателя и главного идеолога объединения «Мир искусства», с которым Бунин так непримиримо разошелся во взглядах. Со временем пришла очередь и памятнику писателю на Поварской, в Москве.

*И цветы, и шмели, и трава,
и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет — Господь сына
блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни
земной?»
И забуду я все — вспомню
только вот эти
Полевые цветы меж колосьев
и трав —
И от сладостных слез не успею
ответить,
К милосердным коленам припав.*